

ЛУЧШИЙ АДВОКАТСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы Натальи Бороховой
в серии «Лучший адвокатский
детектив»:**

Без пяти минут адвокат
Тайный план адвоката
Досье на адвоката
Адвокат черной королевы
Адвокат призрака
Адвокат на час
Предсказание для адвоката
Адвокат Казановы
Адвокат–невидимка
Звездный час адвоката
Адвокат под гипнозом
Адвокат инкогнито
Адвокат по сердченым делам
Адвокат амазонки
Личная жизнь адвоката

Наталья
БОРОХОВА

Адвокат по сердечным
делам

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 83

Оформление серии
и дизайн обложки *Ю. Щербакова*

Борохова Н. Е.
Б 83   Адвокат по сердечным делам : роман / Наталья Борохова. — М. : Эксмо, 2014. — 352 с. — (Лучший адвокатский детектив).

ISBN 978-5-699-69792-2

Налаженная, размеренная жизнь Евгении Швец, главного редактора журнала «София», полетела под откос: она сбила человека на заснеженной скользкой дороге и трусливо сбежала с места происшествия. Евгению терзали угрызения совести и страх, ведь ей грозило следствие, а потом и суд! Вконец отчаявшись, Швец обратилась за помощью к адвокату Елизавете Дубровской. Дубровская посоветовала заключить мировое соглашение с потерпевшей — ею оказалась юная Мария, сбежавшая из дома из-за невыносимо тяжелой жизни. Евгения пригласила Машу пожить у себя, чтобы оправиться от травм и потрясения. Женщина не замечала, что ее муж все больше времени проводит наедине с гостьей... Дубровская тем временем проверяла биографию Машеньки. Некоторые факты из рассказа жертвы не совпадали с действительностью, и это показалось адвокату очень подозрительным...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-69792-2

© Борохова Н. Е., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ГЛАВА 1

В тот день Евгения Швеца вовсе не собиралась садиться в тюрьму. Конечно, ей, как и любому здравомыслящему человеку, была известна расхожая истина — относительно чего в этой жизни зарекаться не стоит, — и она какой-то частью своей души осознавала ее справедливость. Но, как и большинство других людей, она представляла, что подобное несчастье может случиться с кем угодно, только не с нею самой. Впрочем, почему она, взрослая благополучная женщина, дожившая до своих сорока лет без малейших столкновений с законом, должна идти на нары, как какая-нибудь воровка или мошенница? У нее отличная работа, абсолютно не связанная с криминалом; замечательная семья — муж и двое детей; безупречная репутация и чудесная улыбка... Нет, стоп! Улыбка здесь совсем ни при чем. Хотя в то самое утро, за час до того, как она убила человека, Евгения Швеца улыбалась сама себе. Она управляла своим любимым «БМВ» и искренне полагала, что счастливее ее нет никого на целом свете.

Улыбаться, сидя в пустом салоне автомобиля, в то раннее январское утро мог на самом деле только счастливый человек. Природа из всех сил пыталась опровергнуть утверждение, что у нее якобы не бывает плохой погоды, и поливала мостовые города жуткой смесью воды и снега. Люди, кляня глобальное потеп-

ление, бросались к входам в метро и в подземные переходы, а водители, бурча проклятия себе под нос, покорно занимали места в хвосте километровых пробок.

Евгения могла не торопиться. Заседание редколлегии назначили на десять часов, и у нее был еще солидный запас времени для того, чтобы решить некоторые дела. В первую очередь она завезла в детский сад дочь Василису и даже успела переплести ей косы. Очаровательное создание махнуло ей рукой на прощание, но перед этим поинтересовалось, кто ее сегодня заберет. Хорошо, что этот вопрос решался в семье Швеца легко. Родители Василисы, занятые деловые люди, давно установили правило: кто свободен, тот и берет на себя эту обязанность. Сегодня как раз этим должен был заняться Александр, муж Евгении.

Вспомнив о супруге, женщина заулыбалась еще шире. Она все еще чувствовала на своей щеке его поцелуй, которым он проводил ее в дорогу. Эта была неизменная традиция — обязательный утренний поцелуй и пожелание удачного дня, как талисман на счастье от самого красивого и доброго мужчины на свете. Подруги предрекали им когда-то, что они не продержатся вместе и двух месяцев, а они прожили уже девятнадцать счастливых лет и даже не думали что-то менять...

Евгения взглянула в зеркало и сдула с лица непослушную пушистую прядку волос. Для своих сорока лет она выглядела великолепно. Максимум на тридцать пять. Не больше. У нее было интеллигентное лицо с умными, серого цвета глазами, огромная копна мягких пепельных волос и превосходная осанка. Кто-то из знакомых назвал ее за глаза «породистой» женщиной, и Евгения, как ни старалась, так и не смогла понять, что тут имелось в виду. Дворянских корней в ее роду отродясь не было. Связями с сильными мира сего она тоже не обладала. Ну, а ее собст-

венная внешность казалась ей весьма противоречивой. Иногда она нравилась самой себе, а иногда — сокрушалась. Ну откуда, к примеру, взялся этот нос? Он был слегка длинноват, и ее супруг утверждал, что он ее ничуть не портит, но сама Евгения была на этот счет другого мнения. Нос просто обязан был быть небольшим и аккуратным, словно выточенным из алебастра. Глаза у красавицы должны быть больше. Губы — полнее. А фигура... Впрочем, фигурой своей она была как раз довольна.

Евгения осознавала, что в ее болезненных копаниях в собственной внешности виноват супруг. Нет, Александр не давал ей повода быть недовольной собой, кроме, пожалуй, одного... Дело в том, что Александр Швец был очень красив. Не привлекателен, не просто симпатичен, а именно красив — натуральной мужской красотой. В свои сорок два года он ничуть не растерял своего великолепия и сейчас казался ей, пожалуй, еще лучше, чем был некогда, двадцать лет тому назад. Высокий, атлетически сложенный, темноволосый, с глазами густого синего цвета и с белозубой улыбкой, он казался ей ожившей рекламой. Надо сказать, Евгения предпочла бы, чтобы ее муж был чуть-чуть менее красивым: чтобы у него появился животик, складки на щеках. Но он был спортсмен и не терпел пива. Ну, а жесткая линия рта и те самые складки на щеках делали его облик еще более мужественным и интересным. Сейчас она почти смирилась с его главным «недостатком», а когда-то, двадцать лет назад, он едва не стал причиной их первой размолвки...

Евгении, как начинающей журналистке, поручили подготовить материал о тенденциях спортивной моды. В дополнение к статье полагался богатый иллюстративный материал со снимками моделей. Женя с подругой в назначенный час прибыли в модельное агентство, где их взору предстала группа красиво

одетых молодых людей: девушек и парней. Они весело болтали и не обращали никакого внимания на юных журналистов. Фотограф наладил освещение, и работа началась. Модели позировали в разных ракурсах, а девушки пытались набросать свои впечатления о показе спортивной коллекции в своих блокнотах.

— Господи, погляди, какой красавец! — ахнула подруга и что было силы ушипнула Евгению за локоть. Перед камерой в тот момент нарисовался молодой человек атлетического телосложения.

Женька только поморщилась. Не то чтобы этот тип оказался ей абсолютно неприятен. Конечно, она отдала должное его глазам, фигуре и ослепительной улыбке, но посчитала, что в его облике слишком много сахара. Ему не хватало мужественности, и ко всему прочему он был еще наверняка глуп, тщеславен и эгоистичен. Об этом она сразу же сообщила подруге.

— Ты просто дура! — ответила та, не сводя восхищенного взгляда со статиста. — А можно потрогать? — спросила она, имея в виду бицепс красавца. — Это все настоящее?

Тот покровительственно кивнул головой.

— Спокойно, девочки! Тут все настоящее. — Он взглянул на Евгению: — А вы не хотите прикоснуться к прекрасному?

— Обойдусь, — ответила она и с удвоенным усердием застрочила что-то в своем блокноте.

Она не переносила такую породу людей. Быть моделью — это занятие, простительное для женщины, но никак не для мужчины. Зарабатывать на своей внешности могут только самовлюбленные, ограниченные типы, и она ничуть не сомневалась в том, что парень в теннисной форме как раз относится к этой породе людей.

— Вы хоть ракетку-то в руках держали? — спроси-

ла она, еле сдерживая негодование. — Такое впечатление, что вы собираетесь бить ею мух.

— Да? — озадаченно спросил он, вертя в руках спортивный инвентарь. — Мне казалось, что я умею это делать. Может, вы мне покажете, как правильно обращаться с этой штукой?

«Он еще и туп как пробка!» — кипя от злости, подумала Женька, но делать было нечего, она сама завела этот разговор.

Имея за плечами пару уроков большого тенниса, когда тренер не без труда вложил в ее руки этот диковинный предмет, она заставила наглеца с белозубой улыбкой следовать ее рекомендациям. Это его почему-то ужасно веселило, а под конец он осмелел настолько, что заявил:

— А давайте сходим куда-нибудь вечером? Может, в кино?

— Вечерами я занята! — отрезала она. — Я пишу статьи.

— Как интересно! — воскликнул он. — А вы напишете что-то про меня? Признаться, я рассчитывал на интервью.

Женька едва не поперхнулась собственной ненавистью, но вовремя взяла себя в руки и твердо заявила:

— Боюсь, что о таких, как вы, лучше всего рассказывать в картинках! Знаете, что-то типа комиксов.

— Знаю, знаю! — улыбнулся он. — Значит, вы мне отказываете?

— Категорически, — заявила она и, прищурив один глаз, ехидно спросила: — А все-таки, по секрету, зачем вы всем этим занимаетесь? Ну, к чему вам все эти показы, фотографии в журналах? Вам не кажется, что настоящий мужчина должен делать в жизни что-то более значительное?

Он посмотрел на нее непонимающе, но потом рассмеялся:

— Вы знаете, я считаю, что внешность должна

приносить кое-какой доход. — Он пожал плечами. — Мне просто нужны деньги...

Все! Большого от него она и не ожидала.

Всю обратную дорогу Женя дулась на себя саму и на свою подругу, которая, вдруг потеряв девичью гордость, говорила только о нем — об этом красивом манекене. В этот момент Женька с грустью думала о том, что, сколько ни произноси высокопарных фраз о красоте душевной, все разобьется вдребезги, стоит появиться вдруг поблизости красавцу с писаной внешностью и куриными мозгами.

В редакции у них потребовали интервью, и Евгения в недоумении воззрилась на подругу. Та скисла, схватилась за голову и блеющим голосом произнесла, что совсем забыла о задании редакции.

— Так, так! — запыхтел сигаретой редактор. — Значит, профукали чемпиона России по теннису? Чем вы там, черт подери, занимались?

— Какого чемпиона? — с недоумением спросила Женька.

— Того, которого ты учила держать ракетку! — простонала подруга. — Ты еще сказала, что ему нужно позировать для комиксов.

— Все ясно! — отрезал редактор и швырнул непотушенную сигарету прямо им под ноги. — Так, милые мои, карьеру не строят. Мы об этом интервью, между прочим, еще месяц тому назад договаривались! Все пытались его отловить между сборами и соревнованиями. И что теперь? Приходят две облезлые курицы и пускают дело коту под хвост! Вот что, милые мои, не будет интервью ко вторнику — пеняйте на себя...

Подруга взялась исправить ситуацию, но через день вернулась несолоно хлебавши. Красавец требовал прислать именно ту смешную девчонку, которая воображает, что умеет держать в руках ракетку. Надо сказать, что самой Евгении внимание чемпиона ни-

чуть не польстило. Да, она осознавала, что парень оказался не так прост, как ей подумалось вначале, но она с предубеждением относилась к спортсменам и полагала, что все они примитивны и абсолютно неинтересны как личности. Известие о том, что свои гонорары от съемки чемпион собирался отдать в помощь детям-сиротам, застало ее врасплох. А когда она узнала, что этот странный парень бесплатно дает уроки большого тенниса одаренным подросткам из бедных семей, в душе ее шевельнулось раскаяние. Они встретились, и случилось то, чего Женька боялась больше всего. Она попала в плен его обаяния и с неудовольствием вынуждена была признать, что Александр — умный и интересный собеседник, а она, по всей видимости, непроходимая дура, которая мыслит штампами и не видит ничего дальше своего носа. Он рассуждал о политике и о литературе, обнаруживая глубокое знание этих предметов. Он любил классическую музыку, разбирался в джазе и легко ориентировался в мире рока. Он мог говорить о чем угодно, только не о себе самом. Свое чемпионство он не обсуждал, а о собственной благотворительности говорил с легким оттенком смущения.

Их роман был стремителен, и, когда он сделал ей предложение, все подружки были в ужасе, а мать и во все едва не слегла с сердечным приступом. «Доченька, тебе нужно кого-нибудь попроще, — только и говорила она. — Ну, зачем нам в семье чемпион, да еще и красавец?» — «Не будет тебе с ним счастья, — твердили подружки. — Одна маета!» Евгения с горечью осознавала, что они правы, но не могла же она сломать любимому нос или заставить его побриться наголо? Короче говоря, она отвела себе на счастье ровно один год, а там решила: будет так, как будет! Прошел год, и она замахнулась на два. Потом — на целую пятилетку. Потом — еще...

Конечно, за все эти годы у них бывали и ссоры, и

бурные примирения, как в любой семье, но ни один из них ни разу не заводил речь о разводе. Размолвки эти казались им слишком мелкими для того, чтобы поставить на карту главное — их семейное счастье. Сын Иван, родившийся через семь месяцев после свадьбы, стал чудесным даром молодых супругов самим себе, и с тех пор жизнь их семьи протекала в непрерывной заботе о ребенке, об их общем доме. Ко всему прочему Александр и Евгения оказались амбициозными людьми, львиную долю своего времени отдающими карьере. Глава семьи вынужден был из-за травмы распрощаться с большим спортом, но вовремя сориентировался и перешел на тренерскую работу, получил диплом о высшем образовании и даже успел защититься. Теперь он, уже в статусе кандидата педагогических наук, читал лекции в университете, а многие начинающие теннисисты мечтали стать его воспитанниками.

Карьера Евгении складывалась не столь звездно, но, впрочем, тоже вполне благополучно. После окончания факультета журналистики она попробовала себя в качестве корреспондента одной из газет, затем ведущей на радио, потом писала заметки для различных журналов, пытаясь найти свой стиль. Ей поручили вести рубрику в одном из новых молодежных изданий, затем она уже курировала работу целого отдела и даже отвечала за связи с общественностью. Венцом ее карьеры стало место главного редактора популярного журнала. Теперь ей казалось, что она непрерывно находится в эпицентре какого-то сумасшедшего урагана. К ней на стол стекались материалы, охватывающие темы различных сфер человеческой деятельности. Она должна была знать новости, разбираться в бизнесе и юриспруденции, понимать толк в моде и красоте; улавливать переменчивые волны читательского интереса; идти на шаг впереди конкурентов. Поначалу она оторопела от потока но-

вой информации, обрушившейся на нее, как стихия, и даже запаниковала, думая, что по ошибке уселась в чужие сани. Если бы не Александр, который взял на себя в то время не только заботы о сыне, но и обязанности ее личного психолога, Евгения вряд ли бы выдержала ту многодневную гонку. Тогда ей приходилось доказывать издателю, своим новым подчиненным, да и самой себе, что она и есть та самая незаменимая персона, которая должна стоять у штурвала модного издания и определять, каким курсом должна плыть глянцева махина под названием «София». Каждый вечер, убедившись, что Иван спит, супруги усаживались на кухне и, заварив чай с мятой, часами вели долгие разговоры. Александр разбирал жалобы супруги со сноровкой завзятого психотерапевта. Все мелкое и незначительное он отправлял в кучу с резолюцией «само рассосется». Проблемы средней значимости муж предлагал решать по мере их поступления, зато не жалел времени на то, что серьезно портило жизнь его любимой жене. Главным препятствием на пути к успеху новоиспеченного главного редактора была не зависть коллег и не скверный нрав издателя, а, как ни странно, собственный характер Евгении Швец, существовавший словно сам по себе, отдельно от своей хозяйки. Привыкшая добиваться совершенства во всем, за что бы она ни бралась, Евгения вдруг вообразила, что от нее — и только от нее — зависит то, как будет воспринимать ее журнал читатель. Она бралась править чужие статьи, потому что ей все время казалось, что они далеки от идеала и не соответствуют ее представлению о том, что желает увидеть от нее издатель. Она изводила бесконечными придирками журналистов, заставляя их перепроверять уже достоверную информацию и даже пыталась тестировать на себе косметику, стараясь понять, не лжет ли рекламодатель. Она совала нос во все дела и решительно не хотела прини-

мать доводы мужа о том, что главный редактор вовсе не должен создавать номер в одиночку. «Хочешь, чтобы было хорошо, — сделай все сама», — вздыхала она и упрямо тянула на себе весь редакторский воз. Ответственный секретарь у нее валял дурака. Редколлегия была баклуши. А Евгения Швец худела и бледнела, пытаясь заменить собою всех авторов, редакторов и корректоров — в одном лице. Кончилось все тем, что она слегла от нервного истощения, попутно подхватив и сезонный грипп. Когда она, полая от жара, лежала в своей постели, ей казалось, что настал конец света и ее любимой «Софии» больше нет. Вернувшись на работу через месяц, она с удивлением заметила, что журнал в ее отсутствие только похорошел и посвежел, что ее ответственный секретарь работает как надо, а члены редколлегии недаром получают деньги. В кабинете ее ждал свежий букет цветов и открытка от издателя с пожеланием доброго здоровья. Тогда она впервые задумалась о том, что, по всей видимости, Александр прав, и ей нужно проявлять к людям больше доверия и теплоты. С того момента она наконец успокоилась, отвела для служебных дел строго отведенные часы и запретила себе брать работу на дом. Ее любимая «София» поплыла по волнам издательского мира красиво, с достоинством выдерживая легкую качку, а иногда и безветрие, пока главный редактор опять не нарвалась на мель. В этот раз все оказалось намного хуже.

Занятая работой, Евгения как-то не заметила перемен в своем самочувствии и, когда обратилась к врачу за консультацией по поводу расстройства желудка, получила нокаутующий удар. Она ждала ребенка. Это известие выбило ее из колеи настолько, что она просто не могла прийти в себя. Ей было уже тридцать шесть лет, и ей казалось, что время пеленок и распашонок осталось далеко позади. Ване минуло пятнадцать, и он уже забыл свои детские просьбы о

братике или сестренке. Она же не собиралась ни беременеть, ни рожать. Впрочем, мысль о том, чтобы избавиться от ребенка, не нравилась ей тоже. Но беременность — не то состояние, от которого можно так легко отмахнуться.

— Я пропала! — говорила она мужу, сжимая ладонями виски. — Меня выгонят с работы, потому что никому не нужна на месте главного редактора эдакая мамочка с бутылочками и памперсами! Ну, что же ты молчишь, Сашка? Что мне, по-твоему, делать?

Александр был не менее ее обескуражен неожиданным известием, но его шок прошел гораздо быстрее. Более того, он боялся признаться себе в том, что состояние жены ему нравится. Все кончилось тем, что однажды к приходу жены с работы они с сыном подготовили ей сюрприз. Увидев детскую коляску, доверху наполненную игрушками, ползунками и пеленками, Женя разрыдалась.

— Вы ничего не понимаете, — плакала она, размазывая по лицу слезы, как девчонка. — Я не для того столько лет выстраивала свою карьеру, чтобы сейчас осесть дома и варить манную кашу!

— Ты хочешь избавиться от ребенка?! — спросил Ваня с ужасом, словно вместо своей матери внезапно увидел сейчас Медузу горгону.

Она затрясла головой:

— Нет! Но я слишком стара для всего этого. Я не хочу проходить через все это еще раз. Более того, я просто не смогу!

— Ну почему, ради всего святого? — удивился Александр. — У тебя хорошее здоровье. Ты полна сил. Ты сможешь! В конце концов, я помогу тебе...

— Поможешь в чем? — зло спросила она. — Носить в себе нашего ребенка? Посещать женскую консультацию? Кормить его грудью?

— Я помогу тебе сделать так, чтобы твое новое состояние причинило тебе как можно меньше хлоп-